

ОСНОВАНО
НА РЕАЛЬНЫХ
СОБЫТИЯХ

УНИКАЛЬНЫЕ
АРХИВНЫЕ
ФОТО

ЖИЗНЬ
ЗА КОЛЮЧЕЙ
ПРОВОЛОКОЙ

СУДЬБЫ
ЗНАМЕНИТЫХ
ГРУППИРОВОК

ПУТЬ РУССКОГО ГАНГСТЕРА

ЛЕГЕНДЫ
ЛИХИХ
90-Х

МИХАИЛ
ОРСКИЙ

Михаил Орский

**Путь русского гангстера.
Легенды лихих 90-х**

«Книжный мир»

2017

Орский М. П.

Путь русского гангстера. Легенды лихих 90-х / М. П. Орский —
«Книжный мир», 2017

ISBN 978-5-8041-0903-6

Он был сыном московского профессора и студентом журфака МГУ. Перед ним были открыты все дороги, о каких только мог мечтать советский человек. Но он пошёл на преступление, которое полностью изменило его жизнь. Как примет молодого москвича тюремная среда, для которой он социально и культурно чужд? Удастся ли ему выжить и подняться? Условия советских и российских мест лишения свободы, живая история криминального мира, показанная изнутри. Реальные события легендарных «лихих 90-х». Головокружительные приключения, драки, стрельба, поножовщина, бандитские разборки и милицейские захваты. Тяготы неволи и роскошный «оттяг» на свободе. Взлёты и падения знаменитых группировок. Судьбы отдельных гангстеров и исполнителей шансона. В этой книге от первого лица описан путь становления криминального авторитета. На примере одной жизни видна целая эпоха, со всеми её страшными и весёлыми событиями.

ISBN 978-5-8041-0903-6

© Орский М. П., 2017

© Книжный мир, 2017

Содержание

«Беспощадная честность» – шансонье	6
«Русь жива непокорными» – тележурналист	7
«Почти документально» – подполковник милиции	9
«Красноречие, харизма и ум» – немецкий журналист	12
К читателю	13
Глава 1	14
Урла[1] с Речного	14
Теория выживания	19
Глава 2	20
Ломщик[2]	20
Кому суждено быть повешенным – тот не утонет	24
Подсадные	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Михаил Орский
Путь русского гангстера.
Легенды лихих 90-х

*Моему отцу
Петру Михайловичу,
востоковеду и оптимисту,
посвящается.*

© Орский М.П., 2017

© Книжный мир, 2017

«Беспощадная честность» – шансонье

Если Вам повезёт, и данная книга окажется у Вас в руках, просто для начала прочтите несколько глав, а уж потом думайте и рассуждайте, стоит ли вам тратить на неё время...

Моё мнение, если оно вам интересно: эту книгу надо прочитать обязательно.

Обосновываю. Это не автобиография, не приключенческий роман и даже не криминальный детектив. Скорее, это повесть, тяготеющая к хроникальному сюжету. Полная размышлений, порою негативных, ярких картин нашего общего прошлого; не лишённая интриг, с некоторой долей тревожной напряжённости, возникающей у читателя во время прочтения. Не зря же прошли несколько лет отбытия автора на журналистском факультете в МГУ!

Книга полна внезапных переходов от суровой серьёзности, сгустков внутренних противоречий, глубочайших конфликтов, возникающих в известной среде, – к юмористической, а порою и к сатирической форме изложения.

Автор предельно строг по отношению к себе и своим друзьям (в том числе и к вашему покорному слуге). Да, он и меня не пощадил по вопросу моих творческих мук и новаторских поисков в жанре шансона.

Если честно, то Михаил Петрович для меня – былинный богатырь, всегда готовый встать против несправедливости в любых её проявлениях. Мне известно, что он абсолютно бескорыстно, на свои деньги организовывал отправку гуманитарной помощи в Донецкую и Луганскую республики.

Меня всегда восхищало его умение выслушать тебя, не обрывать на полуслове, не отводя внимательного и вдумчивого взгляда. Его советы дорогого стоят.

Главное в этой книге – беспощадная честность и откровенность. Прочитавшим будет о чём задуматься...

Геннадий Жаров, шансонье

«Русь жива непокорными» – тележурналист

Книгу прочитал, как осушил кружку пива в жаркий день. Написано легко и терпко, сочно и ясно, крепко и лепко, и падает на душу.

Как проза Джека Лондона или Джеймса Джонса.

И речь здесь также идет о Зазеркалье – настоящем, не шуточном, где ошибаются зачастую, как саперы, – только однажды.

Я знаком со многими людьми, о которых пишет Михаил. Я не сидел, я чуть не сел, уйдя в армию с четвертого курса. За что? За лихость и нежелание влачить серое существование, за то самое, за что сел Михаил.

Парадокс – мы вместе с ним были месяц на студенческой картошке в 1978 году, в Бородино, и не познакомились. И потом ходили одними и теми же коридорами старого здания университета на Моховой. Может, и стояли рядом в пивнушках – в «Яме» или на Большой Полянке, где проводили время учебы самые лучшие ученики. А узнали друг друга на ТВ В 2013-М...

Мне многое близко в этой искренней, грустно-веселой вещи. Даже то, что там порой говорится о страшном – такова Россия, где жизнь – игра.

Кому я рекомендовал бы эту книгу? Всем.

Старшим поколениям, у кого при прочтении возникнет эффект присутствия – так мастерски и немногословно дана жизнь в СССР.

Средним – кто формировался как личность в начале девяностых, и вспомнит многое, чему был свидетелем сам.

Но в первую очередь – молодым. Как пример того, что можно выстоять. Не сломаться. Остаться человеком – там, где гнется и ломается даже металл. А таких мест в России – на каждом километре. Не только в зоне...

Игорь Воеводин, российский журналист

«Почти документально» – подполковник милиции

Телефонные звонки, сулящие неприятности, обычно раздаются ночью. Это же классика детективных романов!

Так было уже не раз. Хорошо, что дальнейшее показало, что я был не прав.

Телефон настойчиво продолжал трезвонить, пришлось снять трубку, хотя не люблю беседовать на ночь глядя.

– Сергеич, ты? – до боли знакомый голос.

– Я, я. Кто это? Плохо слышно.

– Орский. Не узнаешь?

– Узнал, Петрович. Что случилось?

– Дело есть. Увидимся?

– Петрович, я в запарке. Загнанный, как старый конь.

– Сергеич, я книгу написал. Посмотри.

– Что замолчал?

– Думаю... Пришли на «мыло», посмотрю. Только имей в виду, что я не критик. А потом я тебе правду-матку врежу. Договорились?

– Высылаю.

Тут уже не до сна... Поднялся, выпил кофейку и полез в свой архив. Иногда в «амбарных» книгах можно много чего интересного прочитать.

Правы были наши старые сыщики-учителя, когда советовали нам иногда черкнуть несколько строчек для памяти на бумаге.

Быстро просмотрел записи и с опаской принялся за «чтиво».

Но мысль о том, почему он хочет знать мое мнение, не покидала меня.

Я же бывший мент! Как я могу судить о «романтике» той жизни, которую я видел со стороны и знал о ней лишь по рассказам своих «клиентов»? В чем же тут засада?

Одновременно голову продолжала сверлить мысль: ну что мог написать Орский, о чем еще наши бывшие полковники и криминалисты МВД не написали в книжках, которые штабелями валяются в киосках.

Взял распечатанные страницы и ... завис. До утра. Дело вкуса, но мне понравилось. Почти документально.

Практически все, о чем писал Петрович, правда. Разумеется, он излагал все события, происшедшие с ним, со своей точки зрения. Незначительные отступления от реальности описываемых событий можно объяснить лишь большим периодом времени, прошедшим с момента событий. Но, повторюсь, все описано практически верно.

Названные им в книге имена персонажей широко известны среди оперов, которые стояли в то время по «другую сторону баррикад», как говорили наши начальники.

Кстати, некоторые из них уже могут так же начинать описывать свою «трудную» жизнь. Но, наверное, не станут. Боязно, однако!

Вспоминаю один случай, о котором Орский запомнил. Работал у меня в подразделении участковый Андрей М. Начал жутко пить и напивался до состояния крайнего изумления. Мне доложили об этом. Вызвал, пропесочил, сделал «последнее китайское предупреждение». Андрюша всплакнул, пожаловался на жизнь, дал жуткую клятву в том, что уже завязал и вооще...

Народа нет, проходит очередная операция МВД – пришлось послать на службу. Хорошо, что пистолет запретил выдавать! Заснул подлец, сидя на земле у пивной палатки. Дежурный по отделу утром доложил, что М. ночью на подведение итогов не прибыл, а в настоящее время спит дома.

Самое главное – рация пропала! Только получили новые «Моторолы», а тут ЧП.

Доложил руководству и началось ... Тут и увольнение замаячило и все, все, все...

Закрыв дверь в кабинет, закурил и решил позвонить Петровичу. Объяснил сложившуюся ситуацию: кто, где, что ... Дополнил, что к 15.00 должен официально доложить руководству о случившемся. После звонка стал ожидать развития событий.

В 14.45 подъехал улыбающийся Петрович и вручил мне рацию. Пожали руки, разбежались. Доложил руководству версию, что рация валялась в кустах. Разумеется, не поверили, но напряжение было снято.

Андрея М. уволил в этот же день. До сих пор квасит!

К чему я упомянул о случившемся? А к тому, что при всей своей репутации Петрович не вступал в конфронтацию с нашим подразделением. Поэтому и открытой вражды между нами не было.

Разумеется, я ни в малой степени не идеализирую образ жизни Петровича, о котором он пишет в своей книге.

Волею случая он попал в реку того смутного времени, которая бросала его от берега к берегу, испытывала его в различных критических ситуациях, не раз подталкивала к трагической черте.

Он не спасся, а выплыл из нее, как выплывают сильные люди! А иначе и быть не могло.

Сколько таких ребят пропало без вести в том канувшем в лету времени. Сколько матерей потеряли их, своих единственных и самых лучших мальчишек? Малейшая слабость – и никакого следа не остается.

В данном случае его сила, вера в то, что он считает истиной, помогли ему преодолеть все то тяжкое, что выпало на его долю.

Но стоит ли подражать ему и следовать тем же путем?

Не обижайся, Петрович, но это был твой выбор, твой путь.

Желать кому-нибудь повторить его я не советую. И не хочу!

Михаил Перцев, подполковник милиции в отставке

«Красноречие, харизма и ум» – немецкий журналист

Михаил Орский – надежный и гостеприимный человек, который по-настоящему понятно может объяснить постороннему человеку, как устроен мир организованной преступности.

В беседе с Орским на несколько часов погружаешься в чужой мир, не чувствуя себя в нем абсолютно чужим. Красноречие, харизма и ум делают Орского идеальным героем документального фильма о жизни так называемой братвы.

Именно на эту тему я снял 90-минутный документальный фильм с Михаилом Орским для немецкого телевидения. Съемки фильма принесли мне удовольствие! Именно благодаря тому, что Михаил так близко со мной общался.

Хочу выразить большую благодарность Михаилу Орскому за то, что он нашел время и терпение, чтобы осуществить этот крупный проект со мной! В фильме мы много беседовали о времени, которое Михаил провел в тюрьме. Об этом он написал эту книгу. Она также рассказывает о том, как устроен мир, который, к счастью, знаком не каждому, но который хотя бы в общих чертах каждый должен понимать.

Тюремный мир, пожалуй, самое беспощадное и жестокое, что создало человечество наряду с войнами. И никто лучше, чем Михаил Орский, не подходит на роль гида по этому миру.

Кристоф Боннер (Christoph Wanner), журналист, Германия

К читателю

Сейчас, в 2016 году, когда жизнь моя перевалила далеко за экватор, появилась насущная потребность вспомнить все ее перипетии, своих друзей и врагов, людей, которые оставили в ней яркий след.

Сложность в том, что только воспоминания об этапе в Красноярск написаны по горячим следам в далеком 1988 году, там точные имена, даты, даже номера камер... Все остальное я пытаюсь восстановить в своей памяти и понимаю, что многое подзабылось, на какие-то вещи смотрю другими глазами, а о чем-то просто еще нельзя писать.

С другой стороны, события, прах которых еще не остыл, не позволяют постоять над ними в позе мыслителя, чтобы понять, что же поучительного осталось в горсти пепла. Надеюсь читатель простит мне, что в этой части своего повествования я буду не только скупо излагать факты и хронологию, но и поделюсь некоторыми мыслями, которые изредка стучатся в мою дурную голову на шестом десятке лет.

Глава 1

Первая ходка

*Взлет. Падение. Снова взлет.
Устремляя свой взгляд вперед
Вижу скал и пропастей череду
Кто я? Куда и зачем иду?
Расшибаюсь и вновь встаю
Веру теряю и обретаю
Тот ли путь я избрал?
Мозг мой сомненья терзают*

Сергей Варков

Урла¹ с Речного

Впервые я попал в тюрьму в 1979 году за квартирные кражи. Хочу заметить, что в те далекие застойные годы трудиться по «слесарной части» было значительно легче и выгоднее, чем сейчас. Во-первых, не было железных дверей, хитроумных запоров. Не было и охраны в подъездах.

Во-вторых, в эпоху тотального дефицита продать можно было все, что угодно. Одежду, косметику, телевизоры, магнитофоны, сервизы... только давай. Ведь магазинные полки были абсолютно пусты. К чести «самой читающей страны в мире» – моментально разбирали книги. Особым спросом пользовались альбомы живописи. Это сейчас актуальны только деньги и драгоценности. Да и те возьмут лишь за полцены.

Почему пошел на кражи? Я учился на факультете журналистики МГУ. Со мной постигали азы «второй древнейшей» дети таких акул пера, как Альберт Каверзнев, Эдуард Мнацаканов, необычайно красивая внучка испанской пассионарии Долорес Ибаррури. На параллельном курсе учился Дмитрий Воскобойников, ставший крупным чиновником в агентстве «Интерфакс».

¹ Урла – в данном случае для «центральной» молодежи, шпана с окраины.

Я с детства был испорченный ребенок.

Честно говоря, я оказался совершенно инородным телом в этой центральной компании блестящих мажоров. У них были другие интересы и разговоры, которые я не мог поддержать. Мне ни о чем не говорили названия иностранных групп. Я слушал Аркадия Северного и вокально-инструментальный ансамбль «Синяя птица». По их классификации я был типичным «country reople» – человеком с окраины. Мою малую Родину они презрительно называли «Ручной Факзал». В их общество я точно не вписывался. А носить джинсы мне хотелось такие же, как у них.

*«Я пришел к тебе под кайфом
в модных джинсах "супер райфл"
Мы с тобой в кровать легли
в самых модных джинсах "Lee"»*

Родители в воспитательных целях держали меня в черном теле. Карманных денег у меня практически не было. Сначала я их просто отнимал по мелочи. . .

А потом надумали с другом Ваней подломить пару хат. Нас никто ничему не учил. До всего доходили сами, начитавшись детективных романов Аркадия Адамова. Отчетливо помню,

как на мгновение замер перед открытой поделником дверью первой чужой квартиры. В этот короткий миг я понял, что все в моей жизни теперь пойдет по-другому, и пути назад больше нет. Порог этой хаты стал моим Рубиконом.

Приехав после первой кражи в университет, я сказал близкому мне сокурснику: «А теперь мы посмотрим, как работает советская милиция». Оказалось, что работает она хорошо. Взяли нас довольно быстро. Вальяжной походкой, помахивая модным в то время портфелем дипломат, я направлялся на факультет журналистики грызть гранит науки. Рядом резко затормозила черная «Волга» и два дюжих сыщика мгновенно закинули меня на заднее сиденье. Одним из них был будущий начальник 126-го отделения милиции Михаил Перцев, а вторым старый опер по фамилии Чумак. Он давно присматривался ко мне и не раз допрашивал за всевозможные подростковые бесчинства. В раздражении я посвятил ему стихотворение:

*Ну что ж, начнем беседу, змей
Сказал Чумак мудрой
И лица всех моих друзей проплыли предо мной...*

Дальше не помню. Листок со стихом отшмонали при обыске. Мои вирши немало повеселили местных околоточных.

Наши дороги пересекутся вновь через долгих одиннадцать лет. А пока мне пришлось постигать совсем другие, никак не связанные с журналистикой, науки.

На суде присутствовала знаменитая в то время Ольга Чайковская, журналистка «Литературной газеты», пишущая на криминальные темы. В перерыве, вопреки правилам, погоняла чай в комнате судебных заседателей. Не знаю, о чем уж они там калякали, но срок нам дали божеский – по два с половиной года.

Автор, Сусел, Дусик. Москва, улица Дыбенко. 1977 год.

Перед каждым, оказавшимся в местах лишения свободы, стоит выбор, какой образ жизни вести. Этот выбор обуславливается как личными качествами человека, так и условиями, в которых он находился на свободе.

Допустим, в Москве в те времена существовала система прописки, при которой ранее судимые не могли вернуться в отчий дом. Их высылали за сто первый километр, в Москве находиться они не имели права, но к семьям, женам, детям, матерям все равно тянуло. И они возвращались, нарушая паспортный режим. Если дважды их ловил участковый и выносил предупреждения, на третий раз – срок один-два года. Называли их «чердачники». Тысячи людей сидели ни за что, только за любовь к своим семьям. Так советская власть очищала Москву от судимых. И нам, молодой шпане, не от кого было узнать что-то о тюрьмах и лагерях, о Ворах и суках... Информацию о преступном мире мы черпали из детективов и блатных песен, которые слезливо, с надрывом пел Лелик, единственный судимый пацан на нашем районе. Срок за хулиганку он отбывал на малолетке, рассказывал о каких-то дурацких приколах и отбиваемых «гычах». А мое-то воображение рисовало себе таинственный и могущественный мир дерзких грабителей, неведомых бугров, седых паханов и зловещих уркаганов. Я мечтал, что они встретят меня с распростертыми объятиями: «Добро пожаловать, пацан. Ты нашей силы частица!»

Реальность оказалась гораздо прозаичнее. «Чердачники», «кухонные боксеры», тунецы, похитители соседских кастрюль и тому подобная шваль – вот основная масса заключенных Бутырского централа. Некому было готовить меня к лагерной жизни. Кстати, в одно время со мной сидел будущий олигарх Таранцев и я пару раз встречался с ним на сборке.

Жизненный уклад на общем режиме в городке Людиново Калужской области стал для меня абсолютным шоком. В лагере я реально ощутил на своей шкуре поговорку «человек человеку волк». Сотни активистов – здоровенных мордастых колхозников – правили бал в зоне. Впервые я столкнулся с непонятной мне по молодости ненавистью к москвичам. В Москве же не было своих лагерей, это уже много лет спустя появилась зона в Крюково. Москвичи разъезжались по всему Союзу в разные республики и области. Осужденным из других городов было легче. Сидели у себя в области, друг друга знали, ранее с кем-то учились, с кем-то работали. Словом, все тотчас находили родственников или товарищей. У них складывались тесные земляческие компании. Появилось даже понятие «местная зона». А столичных жителей встречали поговоркой «Прилетели к нам грачи, педерасты-москвичи». И хотя вся юность моя прошла в драках, в лагере пришлось хапнуть горя.

Физически я подготовлен был неплохо. Пять лет занимался самбо, немного побоксировал у Сегаловича в Динамо. Гири тягал. Познакомился с каратэ. Правда, секция была пижонская – при Институте востоковедения. Ходили в основном пузатые научные сотрудники, которым нравилось носить кимоно, махать ногами по воздуху и грозно кричать «кия!»

В районе жестко хулиганили. С пятнадцати лет жизнь как протекала? В то время ведь не было ни дискотек, ни клубов, ни боулингов. Ничего не было. Собирались вечерами на лавочках, в беседках детских садов. Перелезали через забор – девчонки и ребята. Курили, играли и пели под гитару, пили всякую дрянь.

*«Если хоть раз вы балдели,
песня моя вам ясна
Кто там сказал: "Ахашени?"
Есть в магазине "Хирса"»*

Или:

*«Ты помнишь, пили в тишине
четыре ящика "Минине"»*

Сейчас и вин таких нет, наверное...

Дрались с соседними районами – Портовскими, Чикаго. У нас сначала гремел «19 квартал», где верховодили Лелик, Конь, Поддубный, Мулла. Потом они все как-то слились и сели, а мы стали представляться просто: «Ребята с Дыбенко». Появились новые герои подворотен – Дусик, Сусел, Бугор... И я стал первым среди равных...

Менты нас ловили и ставили на учет. Хулиганство свое я сочетал с тренировками, поэтому рос крепким парнем. Кстати, в семнадцать лет у меня уже была борода лопатой. Сейчас, когда смотрю на субтильных, худосочных подростков с банками пива в руках, я не понимаю, что происходит с молодежью? А я в этом возрасте всю колотил вернувшихся из армии десантников. Эти ребята – в пополах, портупелях, аксельбантах – выпивали водки и шли меня искать: «Что это за "главшпан" на районе объявился? Кто тут Хохол?». (Хохлом меня дразнили.) И огребали от меня, десятиклассника, по первое число. Наш районный поэт Дусик оставил об этом периоде нашей жизни нетленные вирши:

*«Тучки небо обложили
Знать, приходит к нам беда
Мишку, с кем мы вместе пили
Повязали мусора...»*

Но на общем режиме не дрались один на один. Активистами были не парни, а взрослые мужики, вчерашние военные, шоферы-аварийщики с десятилетними сроками. Били не по-детски. Без сантиментов типа «лежачего не бьют». Актив я возненавидел на всю жизнь.

Встретил я там одного человека – Лефонта, лидера Калужской отрицаловки. Он крепко меня поддержал, но слишком мало мы общались. Были в разных отрядах, да и закрывали в карцер его постоянно. Лефонт – единственное светлое воспоминание об общем режиме. По ночам я скрипел зубами от переполнявшей меня жажды мщения. Будь моя сила – разорвал бы козлов!!! Сил не было. Зато была еще одна причина, мешающая мне пойти до конца.

Теория выживания

Я возвращаюсь к вопросу выбора стратегии жизни или выживания в местах лишения свободы. Менты тебя поймали, государство покарало. Кажется логичным максимально смягчить, а лучше избежать наказания. Побережь здоровье, сохранить себя для будущих боев. Зачем усугублять кару – вскрывать вены, объявлять голодовки? Мусорам это только на руку. Я позднее всегда удивлялся, зачем мусора борются с пьянством и наркоманией в лагерях? Был бы я каким-нибудь мыслителем в недрах МВД, наоборот – запустил бы всю эту отраву за проволоку, чтобы зеки поспивались, скололись, под кайфом перерезали друг друга.

Короче, если власть тебя сажает, то твоя задача, как преступника, соскочить с этой прожарки. Как мусора в своих киноагитках называют время заключения? – Годы, вычеркнутые из жизни. Так проведи эти годы с пользой для себя и для профессии назло ментам. Кому будет лучше, если ты освободишься калекой? С тубиком после кражи далеко не убежишь. Лучше займись тем, на что не хватало времени на свободе. Я выбрал спорт и книги. В актив, естественно, не вступал. Жил по классической схеме приспособленца: «Посильно не работал, не лыкался в кандей». Конфликтов, по возможности, избегал. Тогда я не понимал, что жить нужно сегодня и сейчас, что компромиссы со своей совестью никогда ни к чему хорошему не привели.

Судьба мне благоволила. В первый срок, проведя полгода в тюрьме и год в лагере, попал под «Олимпийскую» амнистию 1980 года. Оставшийся год добивал на «химии» в славном городе Новотроицке. По окончании срока в Москве меня не прописали, и я остался на Южном Урале.

Глава 2 Рожденный Уралом

*В подъезде пожмешь его хищную лапу
Отдашь ему трость, и бумажник, и шляпу
И с легкой душой без копейки в кармане
Вдохнешь и шагнешь, и растаешь в тумане*
Хейти Тальвик

Ломщик²

Город Новотроицк был примечателен в нескольких аспектах. Во-первых, там всюду чадил Орско-Халиловский металлургический комбинат. Чадил так, что снег на улицах зимой лежал желтый. А после дождя на одежде оставались такие же желтые разводы. На дочери начальника одного из цехов я скоропалительно женился. Во-вторых, на всю Россию городок славился красивейшими девками. Говорят, что виной сему феномену гремучая примесь казахской и башкирской кровей. Но факт остается фактом – таких шедевров и в таких количествах я нигде больше не встречал. В-третьих, в городе функционировала сильнейшая на Урале секция каратэ братьев Ларионовых.

Вот там-то я занялся карате уже серьезно. Уж не знаю, в чем секрет, то ли тренеры Юра и Гена были талантливые, то ли ребята местные были настоящими самураями, но команда столичного Новотроицка выигрывала матчевые встречи у Оренбурга 9:1, у Нижнего Тагила – 7:3, побеждала каратистов Челябинска и Свердловска. Самыми отчетливыми рубаками были крепыш Коля Шерабакин и молчаливый, сумрачный аскет Олег Кулигин. А тренер Ларионов-старший стал моим подельником по следующей «делюге».

Используя «куклы», мы кидали местных барыг, «покупая» у них японскую аппаратуру – «Шарпы», «Панасоники», «Тошиба».

Однажды, как обычно, «кинули» одного новотроицкого черта. Новотроицк город небольшой, хотя я был в парике, жена потерпевшего Лебедева меня узнала. Ко мне в дискотеке «Радуга» подрулил знакомый деляга Андрон.

– Миша, это мой аппарат. Лебедев просто продавец, верните.

– Андрон, со всем уважением, я же не один. Как я тебе верну? Одну треть что ли?

Ведь «куклу» доказать не возможно, если за руку не схватить. А тут Андрон «замусорился» и дал показания: «В разговоре со мной Михаил признал факт мошенничества». На основании его слов меня арестовали. В камере я вскрыл вены, менты повезли в больницу штопать. В приемном покое притворился еле живым от потери крови. Конвой утратил бдительность и я сбежал. С этой минуты началась моя жизнь профессионального преступника.

Я перешел на нелегальное положение. Матерый новотроицкий рецидивист Толя Птенец обучил меня «ломке». И не только «ломке». Он был на пять лет старше меня, но по психологии, знанию людей мог дать сто очков форы. Помимо малолетки Птенец уже дважды отсидел на строгом режиме. Внешне Толян мало походил на старого арестанта, измученного лагерными лишениями. Такой плотный, мордастый крепыш среднего роста с наглым, стеклянным взглядом смешливых глаз. На мою беду, Птенец был человеком властным и сугубо авторитарным. За короткий срок первой ходки я не избавился от фраерских замашек и это его чувствительно

² Ломщик – преступник, зарабатывающий «ломкой» денег.

раздражало. То я не так сказал, то не во время сделал. Не так оделся, не к тем телкам подрулил. Толяна бесило, допустим, то, что я не мог пропустить ни одного газетного стенда: «Что ты там читаешь? Одно и то же во всех газетах!!!». Он требовал, что бы я выбросил и не таскал всюду с собой солидный фолиант «Великая Отечественная Война 1941–1945 гг.», который я где-то украл...

С Птенцом. Урал 2008 год.

Я терпел, но в ответ не упускал случая расквитаться. И когда Птенец вдохновенно охмурил гарных украинских дивчин, рассказывая об Америке, я ехидно замечал, что Вашингтон стоит на реке Потомак, а не на Гудзоне, как он только что утверждал. Однако с горем пополам притерлись к друг другу и дали затяжную гастроль по Союзу – Ляμβург, Харьков, Сочи... Где-то украли, где-то «сломали». Птенец события не форсировал и к работе меня подпускал поэтапно, «ломал» сам. Это работа тонкая. Если фокусам с деньгами за пару часов можно и обезьяну научить, то артистизму, мгновенной реакции на «запал» – гораздо сложнее. Не каждому дано притворится сельским лохом, влюбленно глазающим на фирменные джинсы. Наивно смотреть в глаза потерпевшему, одновременно «наказывая» его на половину суммы. Моя роль была скорее охранно-вспомогательной.

Я многому учился у Птенца, но противоречия наши нарастали, как снежный ком. Ведь я сам был прирожденным лидером и не привык находиться на вторых ролях.

Вокруг меня постепенно складывался свой круг общения. Местный повеса Коля Шилов по кличке Подлый, почти двухметровый гандболист Вилли и деваха Малолетка – Ленка Яровая, в которую я без памяти влюбился. Мы регулярно зависали в орском дискотеке «Радуга».

Вскоре я начал «ломать» сам. Как-то на рынке в Ляμβурге я чисто «отработал» джинсы и после «покупки» отдал их Доктору, приятелю Подлого, студенту Оренбургского медицинского института. Терпицы пересчитали деньги и догнали моего нерасторопного партнера на выходе с рынка. Малолетка рванула за помощью к Птенцу. Доктору в это время уже отведали пару тумачков. Подошедший Птенец грозно нахмурил брови: «Капитан Фуражкин, уголовный розыск! Что случилось? Предъявите документы!» Потерпевшие наперебой затарато-

рили. Выяснилось, что джинсы перепродают какие-то комбайнеры с колхоза «Черный Отрог». И тогда Толян выдал фразу достойную Великого Комбинатора: «Почему занимаетесь спекуляцией на рынке во время посевной?» Черт ее знает, когда там случается посевная, но Доктора Толян отмазал.

А вечером на блатхате у Валеры Малыша состоялся разбор полетов. Птенец рвал и метал: «Тебе еще рано работать самому! Один стоит сопли жует, вторая глаза вылупила и верещит, как потерпевшая... Ты создал какой-то... козий коллектив!!! Третий (то есть я) вообще соскочил! Сам почему сорвался?». Желваки мои гуляли по скулам. «Доктор – дебил, – ругался я про себя, – ни украсть, ни покараулить». Ведь я действительно все сделал чисто и вполне мог сам уйти с джинсами. Но мне нужна была не только нажива. Я хотел руководить группой, чувствовать себя человеком, с рук которого кормятся... Молча выслушав гневный монолог Птенца, я еще больше укрепился в желании быть самостоятельным.

С Подлым освоили работу через «проходняки». Нашли в Лямбурге пару сквозных подъездов. В этом случае мы по очереди изображали барыг. Сочиняли «легенду». Ведь надо было показать какой-нибудь товар. Однажды у нас в наличии были только новые кроссовки, которые я купил для себя и не успел ни разу одеть. Тогда и кроссовки тоже были в дефиците. Решили, что в этот раз подставным покупателем буду я, а Подлый тренером-расхитителем, который получил на складе кроссовки и спортивные костюмы для команды и, гад такой, распродает их. Изогнутая знаком вопроса, долговязая фигура Шилова абсолютно не монтировалась с каким-либо спортом. Разве что с шахматами. Стали гадать, по какому виду спорта он тренер. Решили, что по фехтованию. Подлый примерил мой спортивный костюм, штаны оказались ему чуть ниже колен. Нацепили поверх брючин мои красные футбольные гетры (я и в футбол играл), чтобы скрыть недостаток длины, а рукава олимпийки Коля засучил. Еще я вручил ему значок «Мастер Спорт СССР» и велел прицепить его на футболку, а олимпийку распахнуть.

«Сняли» на Оренбургском рынке каких-то лохов. Довезли до «объекта». В подъезде я доверчиво вручил деньги тренеру-расхитителю, Подлый удалился с деньгами, а «терпицы» стали меня ругать – зачем я деньги отдал. Минут через пять в коридоре послышались шаги Коли, который попутно здоровался с мифическими соседями и ругал чью-то собачку, которая «своих не узнает». Мой подельник вырулил в домашних тапочках, беззаботно доедая бутерброд. Все эти аксессуары мы загодя спрятали в подъезде. Создавалось полное впечатление, что человек вышел из своей квартиры. Коля вручил мне кроссовки. «Терпицы» стали торопливо отсчитывать деньги. И тут я увидел, что падло Коля нацепил значок прямо на нейлоновую олимпийку, а не на футболку, как ему было сказано. Столько лет прошло, а я не могу ему забыть испорченный костюм. Еле сдержался. Поблагодарил сквозь зубы и ушел с кроссовками подмышкой. Шилов, забрав деньги у «терпил», сквозанул через проходняк. «Коля, скотина, ты зачем куртку проткнул значком?» – возмущался я. «Не могу же я рисковать, демонстрируя без олимпийки свои хилые мощи. А ты зачем анекдоты про поручика Ржевского в автобусе рассказывал? Ты же колхозник по сценарию...» – огрызнулся Коля.

С Подлым было весело. Сын серьезного музыканта, в юности он подавал надежды как поэт, дебютировав в газете «Металлург» производственной балладой «Домна, домна, красавица домна». Играл на многих музыкальных инструментах и потому пользовался успехом у романтических уральских дам. К женщинам Коля относился сугубо потребительски и запросто их обманывал. Однажды он признался, что утром, просыпаясь с очередной пассией, не может вспомнить, как его зовут. То есть, каким именем он вчера представился. Мог, к примеру, обехать с десяток своих поклонниц, что бы взять у них «послушать» по паре дисков, продать их все, купить букет цветов, бутылку коньяка и на такси уехать в Орск к одиннадцатой. Известен случай, когда в Питере, в переполненном метро, Коля галантно пропустил на эскалатор свою невесту Катюку, а сам остался внизу с купленными ею обручальными кольцами. Только она его

и видела! За все эти выкрутасы Коля получил свою «погремуху» Подлый. В работе Шилов был дерзок и артистичен.

Пару раз прокатились в Магнитогорск. Один раз «терпила» с друзьями-бугаями догнал нас в аэропорту. Мы, без несчастья, сделали «возврат». А в Лямбурге пришлось уходить через чердак и прыгать вниз с пожарной лестницы. Всякое бывало. На «ломке» в «городе невест» Иваново нас самих приняли за спекулянтов, опер с чудным именем Прохор Гапонов поймал нас с краденными вещами. Подлый «загрузился» на полтора года, а мне благородно дал сорваться.

Я, при первой возможности, катался в столицу. Спутницей моей была Малолетка. В работе помогал Вилли, который учился в МИГайке и выступал за институтские команды во все видах спорта. «Ломали» на рынке в Малаховке и возле «Березок». В чем был кайф этой работы? Даже «запалы» доставляли некоторое удовлетворение... Вот барыга продает тебе джинсы. Смотрит на тебя с плохо скрываемым презрением, свысока... Ты для него лох, провинциальный увалень, которому он втридорога впаривает фирменную шмотку. И вдруг, если он во второй раз берется пересчитывать деньги, до него доходит, что это он – жертва, а ты – охотник. Его высокомерие моментально меняется на испуг и подобострастие, он нервно хихикает и трясущимися руками возвращает тебе деньги, хватая свой товар... А ты с легкой досадой бросаешь барыге: «Ну не пролезло и не надо. Живи пока».

Но через два года меня все-таки поймали, и я получил пять лет за мошенничество в крупных размерах. Газета «Южный Урал» откликнулась на мои похождения статьей «Незадачливые продавцы»:

«...Шаститко и Варков разыграли эту сцену, как по нотам. Быстро уехали, забрав магнитофон. Лебедев же недосчитался 607 рублей. Жертвой такой же комбинации преступников стал еще один владелец импортного магнитофона новотройчанин Бавольский. Его обманули на 1268 рублей...»

Кому суждено быть повешенным – тот не утонет

И опять подфартило сорваться со второго срока.

Мой отец, профессор-востоковед, обратился к своему доброму знакомому-сослуживцу Евгению Максимовичу Примакову. В пятидесятые годы мой батя, как фронтовик и молодой ученый, был избран секретарем парткома Института востоковедения. Руководил которым реликт сталинской эпохи, бывший первый секретарь ЦК Таджикистана Бободжан Гафуров, а секретарем комсомольской организации чуть позднее стал Евгений Примаков. В институте у отца сложилась замечательная компания. Наши разведчики, разоблаченные в Турции, Пакистане, Иране, все оседали в Институте востоковедения. А куда их еще девать? Языки знают, страну пребывания знают...

И в девяностые годы я частенько слышал байки отцовских приятелей-стариканов о том, как «Женька Петьке за пивом бегал». Отец мой дослужился до звания профессора и должности начальника отдела. Как развивалась карьера Евгения Максимовича Примакова, писать, я думаю, нет нужды. В парткоме отец прятал под сукно кляузы из вытрезвителя на будущего писателя-детективщика Юлиана Семенова, который в юности, по словам отца, отличался весьма буйным нравом.

Отец ни разу в жизни не обращался к Примакову. Но чего не сделаешь ради любимого сына. Мой бедный отец все еще надеялся, что первая ходка – это трагическая случайность, и я смогу вернуться к обычной жизни, вернуться в журналистику. Состоялась их встреча, подробности которой мне не известны.

Приговор мой был пересмотрен. Так как потерпевший занимался злостной спекуляцией, то ущерб в две тысячи рублей (при средней зарплате 150–200 рублей!) для него посчитали незначительным. Ну подумаешь, наказали барыгу на пару косарей! Третья часть 147 статьи превратилась во вторую и, отсидев два с половиной года, я освободился в городе Саракташ («Катящийся камень» в переводе с башкирского) с формулировкой «ограничиться отбытым сроком».

После этого пруха закончилась. В Москве меня опять не прописали. На свободе продержался всего сорок дней, украсть ничего не успел, а был арестован за старые квартирные кражи в Лямбурге. От судьбы не уйдешь! Обвинили в двух десятках «подломленных» хат.

Когда в 1983 году по стране начались гонения на карате, нашу секцию в Новотроицке тоже прикрыли. Я записался в секцию туризма и в походах по уральским горам освоил спуск «дюльфером». Это когда ты крепишь страховку на верху и сам себя спускаешь, отталкиваясь ногами от склона горы. Оказалось, что «дюльфером» очень удобно проникать с крыши на верхние этажи жилых домов. Подельниками моими в кражах были безбашенный Коля Шилов и его приятель Васильев по кличке Доктор. Трудиться по «слесарной» части так им понравилось, что они продолжили «чистить» хаты и после того, как я уселся за мошенничество. Интересно, что у Яровой появился молодой поклонник, который тоже стал «подламывать» хаты с Подлым, Доктором и Малолеткой. Потом его призвали в армию, и он пал в Афганистане смертью храбрых. В одном из уральских городов его именем назвали улицу. Что лишний раз подтверждает: кому суждено быть повешенным, тот не утонет. Все-таки блатные – геройские ребята!

А когда поймали Доктора, эта гнида медицинская сдала всех: и меня, и Шилова, и девчонок, которые шмотки продавали. Короче, раскололи его менты до самой задницы.

С ностальгией вспоминаю, как меня брали. Мы с Малолеткой снимали полдома в частном секторе Лямбурга. В момент ареста я, пританцовывая под песни Вилли Токарева, жарил макароны у плиты. Дверь домика распахнулась и, чуть пригнувшись в сенях, в домик вошел крепкий, высокий мужчина в костюме и галстук. Один!!! Как этот «прием» диссонирует с

нынешними захватами, больше напоминающими военные действия на вражеской территории, когда арестованных избивают, укладывают лицом в асфальт.

«Михаил Петрович, сковороду поставьте. Каратэ демонстрировать не будем?» – молвил вошедший. Снаружи меня ждала милицейская «Волга» и еще пара человек. Никаких спецназов, ОМОНов и прочих «тяжелых». Все прошло достойно, интеллигентно.

Правда, под следствием мне пришлось познакомиться с «пресс-хатой». Нашей гоп-компаниии вменяли более двух десятков краж. На Оренбургском центральном в это время, в сентябре 1986 года, зверствовал опер Ковшов, капитан по званию и садист по призванию. В его ведении находились многочисленные агенты и прессовщики во главе с педерастом Юрием Кувалдиным. Рассказывают, что пидр этот был очень силен физически. Тысячу раз отжимался, зимой выходил гулять по пояс голый. Задача «прессовщиков» – заставить сознаться подсудимых во вменяемых преступлениях. Бедолаг, прикованных наручниками к шконке, избивали сапогами. Одному башкиренку двое сели на голову и на ноги, а третий жег спину раскаленной на огне кружкой. Кувалдин был осужден на «крытый» режим, ехать туда боялся. Его мерзкая «работа» в СИЗО Лямбурга шла в зачет пребывания на «крытке». Всей команде пыточных дел мастеров без ограничения пропускали продуктовые передачи, опера подбрасывали по возможности водку и анашу.

Три десятилетия спустя «пресс-хаты» стали секретом Полишинеля и работу наемников оперчасти прекрасно показали в сериале «Боец».

Однако меня минула чаша сия. Я самонадеянно решил, что менты убоялись моей физической подготовки, но позднее узнал, что в оперчасти просто не решились связываться с «профессорским сынком». Ко мне был применен гораздо более изощренный и хитрый подход.

Подсадные

В ИВС Лямбурга моим соседом оказался длинноволосый худощавый парень Андрей Буряк. В это время весь город был взбудоражен убийством капитана Ткачева. Как я понял, этот мент был прообразом нынешних дельцов из наркоконтроля, когда не поймешь, то ли мент, то ли бандит, то ли наркоман. Практиковал «нестандартные» методы работы. Этаким волк-одиночка, погруженный в блатную жизнь. Раскрываемость у Ткача зашкаливала. Раздавал своим сексотам конфискованные наркотики, получал свою денежную долю, а потом шел арестовывать тех, кому его агенты отраву продали. Шел, как тогда было принято, один. И вот осенью 1986 года ему не повезло. Сдали капитану Ткачеву уральских блатарей Дергача, Вову Крытника и Леню Голика. Он смело зашел в их хату в «Шанхае», бедняцком районе, где со времен войны землянки, самопальные домишки. Пнул дверь ногой, босота сидит за столом: «Руки в гору... уголовный розыск». А Петя Дергач остался за распахнутой дверью и врезал сыщику обухом топора по голове. Труп. Долго ли, коротко, менты их обнаружили и окружили. Братва сдаваться отказалась. Хотя из оружия были только пистолет Ткачева и допотопная берданка. Они завалили окна матрасами и отстреливались до последнего патрона. Их чуть ли не с броневином штурмовали. Это событие всколыхнуло всю область. В те времена не случалось ничего подобного. Петя Дергач был убит в перестрелке, Вове и Лене дали по максимуму.

Так вот, подсадная гнида Буряк преподнес мне эту историю не как трагический случай, а как спланированную акцию уральской братвы: «Ты просто не следишь за движением. У нас тут такие дела творятся...» Дескать, Ткач был приговорен на сходке. Я разинул «варежку». Вот он тот самый мрачный и таинственный преступный мир, о котором я мечтал с детства! «А кто же эта братва, которая принимала решение по ликвидации Ткача?» – затаив дыхание, спросил я. Буряк перечислил что-то типа: «Илья Бадья, Ванька Гвоздь и Колька Рукомойник. И Гена Кузнецов присутствовал». После чего взял у меня маляву для Малолетки и благополучно свалил с понтом на свободу, а на самом деле к ожидавшим его кумовьям.

А на следующий день в камеру бросили круглоголового, обкуренного губошлепа. Оказалось, это тот самый Гена Кузнецов. «Да тут только недавно твой приятель сидел, за тебя рассказывал» – обрадовался я.

Эта гнилая кумовка с деланным сочувствием посоветовала срочно вломить Шилова, Доктора и всех остальных, пока они меня не вломили. Поездив сутки мне по ушам, агент сообщил, что в оренбургском остроге сейчас находится Вор Николай Курский.

«Если вдруг словишься – передавай от меня привет».

Спустя трое суток, обработанный в ИВС двумя стукачами, я отправился на тюрьму.

Тогда мне едва исполнилось двадцать шесть лет и я не понимал, что две случайности это уже закономерность. Поэтому мне не показалось странным, когда в небольшой спецкамере № 92 навстречу мне поднялся пожилой мужчина на седьмом десятке с благообразным лицом и ежиком седых волос на голове: «Курский Николай Иванович» – церемонно представился он.

Тридцать лет прошло с тех мутных времен. Но я до сих пор помню свое семимесячное пребывание в этой камере. Это была идеологическая «пресс-хата», малюсенькая каморка на четырех человек. Встать со шконки мог только один, двоим уже было не разминуться.

Не решившись сломать меня физически, кумовья решили взять не мытьем, так катаньем. Для этого был задействован такой козырной ход, как Вор-самозванец, отборный агент оперчасти. Наступление на мою неокрепшую психику велось с нескольких фронтов. В Оренбургском центре были странные порядки. Там следователи не приезжали в тюрьму, а наоборот, подследственных вывозили на допросы в отделы и города области Кувандык, Медногорск, Бузулук, Бугуруслан, Соль-Илецк.

Курский страдал туберкулезом, постоянно харкал в баночку. В моменты приступов, не знаю, насколько они были натуральными, самозванец начинал звать к моей «босаяцкой» совести: «Мишаня, ты же один из камеры выходишь... Ну договорись там с мусорами, что они тебе там шьют? Возьми пару краженок, ты же видишь, Вор без чифира подыхает». При всем сострадании к мукам «старого уркагана» сознаваться в кражах я отказывался. В хорошем настроении Курский, подбоченясь и вставив сигаретку в мундштук, предавался отвлеченным размышлениям: «Скажу тебе, малыш, как старый вор молодому крадунишке... Ведь в чем она, босаяцкая доблесть? Ты мусорам скажи: «Вот это мое, это я беру. А чужого мне не шейте... А свое надо признавать...» Но я категорически отказывался брать и свое, и чужое.

Следователем у меня была молодая привлекательная дама Людмила Евгеньевна Демьяненко, на четыре года старше меня. Она нравилась мне как женщина. Мы с ней относительно поладили. Позднее она призналась, что, видя, как я ору на мусоров, она думала, что я псих и ужасно меня боялась. Людмила на допросы приносила мне пожать и звонила из кабинета моим родителям в Москву. Я в свою очередь признал две кражи и не хулиганил. Но менты-дознаватели под руководством начальника по розыску Витенко не успокаивались и пытались раскрутить по полной программе. Трогать меня они не решались, начинали давить, что я такой-сякой, всех сбил с истинного пути. Я в ответ тут же врубал звук: «Вы сами – узаконенные бандиты! И министр ваш – ворюга, застрелился!» Ментов аж корежило! (Ведь только недавно покончили с собой Щелоков и его жена). Вся надежда у них была на своего спецаргента.

В камере на отдушине у потолка болтался обрывок веревки. И этот сексот каждый день начинал гнать на меня жути.

– Сидел тут до тебя крадунишка Коля Зотов. Ему менты вменяли восемь краж. Он ни в какую. Доказали только пять. Пять лет и дали. На приговоре он говорит судье: «Прощайте», а она ему: «До свидания». И его снова сажают в следственную камеру, а не в осужденку. Менты землю рыли и доказали еще три кражи. Ему бац – еще пять. Путем сложения получилось десять. Видишь, веревка висит? Это Зот в петлю полез, когда понял, что мог с ментами договориться и получить всего «пятерку» за восемь краж. Смотри, думай, что бы тебе так же лапти не сплели.

И вот эта канитель продолжалась в течении нескольких месяцев. К счастью, временами меня вывозили на следственные действия в городок Кувандык («Долина счастья» с башкирского). Там я отводил душу в битвах с местными мусорятами, низкорослыми нацменами, которых я раскидывал как былинный богатырь. Чтобы справиться со мной, они сбегались целым отделением. Приходил хороший человек – заместитель начальника горотдела милиции полковник Галивиев, мужик добродушный и умный. Разрешал мне свидания с Малолеткой, передачи и журналы. Я успокаивался и переставал драться.

Я не хотел бы описывать свое пребывание в камере № 92 только черными тонами. В чем парадокс? Ведь Курскому, чтобы проканать за Вора, нужно было, если не совершать достойные поступки, то, как минимум, говорить правильные вещи. Он много рассказывало «сучьей» войне, которую застал молодым пацаном. О кровавой банде Пивоварова, которая гастролировала по лагерям и пересылкам Союза, вырезая Воров. О знаменитом побеге Павлова, фронтového разведчика, который, уходя на «большую землю», завалил кучу ментов. Его, якобы, боялись так, что менты, отправляясь в «секреты», прощались с семьями. А в тюремных казармах для конвойных до семидесятых годов висел плакат «Воин! Будь бдителен! Помни побег Павлова».

Еще у него была потрясающая особенность. По радио после передачи «В рабочий полдень» читали какой-нибудь роман, нередко детектив то про автоугонщиков, то про шпионов. И вот старый прохиндей через несколько дней, думая, что никто уже ничего не помнит, начинал врать. Причем все это преподносилось с активной мимикой, обязательно закуривая, с мхатовскими паузами: «Помню в Харькове в пятьдесят шестом мы с партнером...» И пересказывает

прослушанный накануне спектакль, но уже со своим участием. Подельников он по старинке называл партнерами... Мы втихомолку ржали и перемигивались, но из уважения открыто вида не подавали.

Николай Иваныч обладал искусством писать «правильные» малявы. Узнавали, допустим, что в камеру на нашем продоле заехал кто-нибудь с этапа. Надо написать, чаю попросить. Мнесто по барабану было, я не чифирил, а сокамерники «болели» и садились марать бумагу. Выходило скверно...

– Николай Иваныч, ну как написать-то?

Курский кокетливо отнекивался, но быстро позволял себя уговорить...

– Учить вас всему надо, – бурчал самозванец. Вскоре из-под его пера выходил образчик тюремного эпистолярного жанра. «Час добрый, бродяги! С арестантским приветом к тебе, Василий, а также ко всем тем, кто вокруг тебя и тем, кто рядом, кому не чужды заботы Дома Воровского обращаюсь я, Николай Курский, а также те, кто вокруг меня с пожеланиями всего самого светлого и доброго...» В общем, на пару листов шли приветы и упражнения в босяцком этикете, а в конце, как бы ненароком, следовала приписка: «Чаю зашлите, если есть возможность». Мы в восхищении всплескивали руками: «Ну, Николай Иваныч, ты даешь!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.